

И. А. Гилязов

Этническое самосознание поволжских татар: некоторые вопросы формирования и его особенности

Происхождение казанских татар, их ранняя история, возникновение и распространение этнонима «татары» давно вызывали и вызывают интерес источников и оживленные дискуссии среди них. Историческая литература по данной проблематике довольно обширна и достаточно известна (упомяну в том числе и любопытную статью известного немецкого тюрколога Готхарда Йешке «К возникновению имени «татар»», опубликованную еще в 1965 г., а также известные всем публикации А. Х. Халикова и А. Г. Каримуллина). В данном же выступлении я ставлю себе целью взглянуть на этническую историю современных поволжских татар с одной стороны, а именно, с точки зрения их этнического самосознания, т. е. в какое время и как они себя называли и воспринимали. Собственно, и эта тема активно привлекает внимание современных историков (вспомним обстоятельные публикации Д. М. Исхакова, И. Л. Измайлова и др.). Поэтому я и не ставлю перед собой глобальных теоретических задач — моя цель более прикладная и более скромная — вкратце рассмотреть эволюцию самосознания современных поволжско-приуральских татар. Отмечу, что вообще споры о том, что же такое нация, народность, этнос и в настоящее время еще кажутся бесконечными (это касается в первую очередь западной этнологии). Если же обратиться к отечественной науке, то у нас долгое время с этим вопросом все было очень просто: существовало ясное и четкое определение нации с ее признаками, данное Сталиным и историкам не надо было особенно ломать голову, а лишь искать

у своих народов признаки, которые подходили бы к сталинскому определению. Сегодня же положение дел мне представляется все еще сложным и неясным: к прошлому мы относимся довольно критически, сталинские формулировки безусловно отвергнуты, но большинство историков воспринимают нацию как и в советское время. Серьезными попытками осмысления этого феномена, безусловно, являются новейшие исследования Д. М. Исхакова. Не собираюсь включаться в дискуссию по этому поводу, ограничившись одним замечанием: говоря о нации мы обязательно должны учитывать как один из главных факторов ее определяющих фактор национального самосознания, который вероятно даже более важен, чем скажем фактор языка (вот этот показатель в советской этнографической литературе явно недооценивался).

Как уже было сказано, литература по этногенезу татар довольно обширна, но особенности формирования этнического самосознания поволжских татар в ней, на мой взгляд, по-настоящему начали интересовать исследователей лишь в последние годы. Поскольку термин «татар» изначально не был нашим самоназванием, внимание историков все больше привлекали моменты, как этот этноним был привнесен в среду предков современных татар, как татар называли их соседи. Безусловно, негативное в целом отношение к этнониму татар в татарской среде в XIX — начале XX в. привлекало внимание исследователей.

Несколько предварительных замечаний

Имя «татар» стало широко известно по всей Европе с XIII в. Вначале оно было названием (и, по-видимому, самоназванием) одного из монгольских племен Центральной Азии, затем оно перешло в другое качество, и в XIV–XV вв. уже обозначало больше тюркоязычное население Золотой Орды. К сожалению, исторических источников, которые непосредственно отражали бы этническое сознание населения Золотой Орды почти нет. К тому же мы должны учесть, что единого этноса в период существования этой империи так и не

сложилось. В ней начался и получил определенное развитие процесс формирования единого языка, единой культуры и, в конечном счете, единого этноса, но этот процесс был прерван бурными политическими событиями. Обратим более внимательный взгляд на этнические процессы позднейшего времени, когда Среднее Поволжье было завоевано, и его тюркоязычное население стало подданными Русского государства.

В это время мы уже говорим о формировании основ татарского литературного языка, но о формировании этнического осознания себя представителями одного этноса, одной нации, говорить еще, безусловно, рано. Причем можно отметить, что этноним татары, особенно со второй половины XVI–XVII вв., употреблялся прежде всего татарами в двух значениях: во-первых для определения социальной принадлежности носителя, во-вторых, для определения конкретного языка, а именно поволжского тюркского языка, который начал формироваться в период Золотой Орды и в целом стал реальностью в период Казанского ханства. А вот русскими он употреблялся к тому же и в качестве этнонима, для обозначения носителей чуждых для веры, языка, обычаев, менталитета.

Об употреблении татарами этнонима татары свидетельствует, в частности, дипломатические документы русско-восточной переписки XVI–XVII вв. при составлении которых активно были заняты и татарские переводчики. В подобных документах, как правило упоминался статус переводчика — «служилый татарин такой-то», «с татарского языка толмач», а язык документа однозначно определялся как татарский. Действительно, татарский язык в России XVI–XVII вв. играл заметную роль в дипломатической жизни, традиции татарского делопроизводства прекрасно учитывались официальной властью. Вспомним здесь известные слова академика В. Бартольда о том, что татары в XVII–XVIII вв. оказали «России большие услуги при сношениях с переднеазиатскими и даже восточноазиатскими государями», а «татарский язык был некоторое время языком дипломатических сношений между Россией и Персией» и в лице татар «русское правительство для сношения с прави-

тельствами мусульманских стран располагало готовым кадром переводчиков». Но это уже, пожалуй, тема отдельного разговора.

Кроме служилых татар в документах того времени упоминаются и ясачные татары, но никогда со стороны самих татар нет определения «татарин», «татары» в качестве этнического самосознания, т. е. ситуация в данном отношении складывалась довольно любопытная: сами татары, употребляя, например, термин «служилые татары» вкладывали в него больше социальный смысл, русские же воспринимая его социальное содержание, вкладывали в определение и этническое содержание.

Таким образом, мы можем заметить, что в XVII в. термин татары самими татарами не принят как этническое самосознание, и мы не можем вести речь о каком-либо национальном единстве.

В XVIII в. положение изменилось, но не кардинальным образом. Термины «служилые татары», «ясачные татары» самими татарами продолжают применяться в прежнем значении. Роль татарского языка в дипломатических связях России сходит на нет, поэтому у нас в распоряжении почти нет источников из этой сферы, но вот внутри страны татарская письменная традиция дает несколько всплесков, что привело к возникновению документов, которые интересны и для изучения нашей проблемы. Среди таких событий — Пугачевское восстание. В период восстания появляются сотни документов на татарском языке, в некоторых из них язык однозначно назван татарским (т. е. термин «татарский» здесь вновь употреблен применительно к языку).

Но этноним «татар» как самоназвание населением не принят. Не случайно, когда в 1724 г. ясачные и служилые татары по своему статусу стали фактически составной частью государственного крестьянства, они не стали именовать себя татарскими государственными крестьянами или государственными крестьянами из татар, а продолжали вплоть до первой половины XIX в. называться ясачными и служилыми татарами, что признавалось и русским официальным делопроизводством.

В XVIII в. произошли события, которые повлекли за собой процессы усиления формирования национального сознания и формирования национальной идентичности татар — это сильнейшее давление в религиозной сфере, политика насильственной христианизации, начатые в период правления Петра I и продолженные особо жестко в 30–40-е годы. Формирующийся этнический менталитет у татар все более и более приобретал религиозную окраску. Мусульманское духовенство стремилось противостоять давлению и предложило идею, которая должна была бы объединить тюркоязычное население Поволжья и Приуралья, идею национально-религиозного возрождения. Ислам становился символом, татары и башкиры в первую очередь именовались мусульманами, мусульманским населением. Это, кстати говоря, было очень ясно уловлено Пугачевым в период своей деятельности: один из его первых манифестов к населению Оренбургской губернии адресован в том числе и мусульманам (магометанам). Хорошо понимая, что термин «татар», который обозначал завоевателей — монголов в России все больше и больше приобретает этнический смысл по отношению к тюркам Поволжья и Приуралья, в середине XVIII в. крупные и авторитетные представители духовенства выступили с первыми известными попытками возрождения идеи болгарской государственности.

Мулла Батырша, идеолог и руководитель крупного народного восстания 1755 г. был одним из первых проповедников этой идеи. В 1760 г. со своей проповедью и книгой обратился к населению мулла Мурат. Эти стремления, которые переплетались и с социальным протестом, были в свое время достаточно популярны и известны, проповедники имели немало сторонников, но проповедь национального единства на основе болгарской идеи не стала в то время общенародно признанной (по крайней мере известные источники не позволяют утверждать этого). Пожалуй, идея религиозного единства была гораздо сильнее и с этого времени татары гораздо более чаще именовали свою общность мусульманской, а себя мусульманами. Один пример к этому

итогу: И. Е. Фишер в 1755 г. писал: «те, кого сейчас зовут татарами, имея это не принимают, считают поношением».

Но вот XIX и особенно начало XX вв. дают немало интересных примеров, в каком же направлении двигалось развитие татарского национального самосознания.

Прежде всего, отметим, что этногенез татар, и отношение народа к этнониму «татары» впервые стало предметом серьезных научных исследований, как со стороны русских историков, так и стороны татарских ученых, среди которых особое место занимает Шигабутдин Марджани. Марджани был фактически первым, кто стал применять этноним «татар» по отношению к мусульманскому, тюркоязычному населению Поволжья. Он призывал своих соплеменников именовать себя татарами, высмеивая стремление некоторых именоваться абстрактно «мусульманами». «Если вы не татары, вы и не арабы, не китайцы, не таджики, не русские, французы или немцы, тогда кто же вы есть?» — спрашивал он. При этом он хорошо понимал, что между татарами Поволжья и татарами Батыея нет ничего общего, что именно история распорядилась так, и наш народ стал известен именно под этим именем. Марджани глубоко изучал проблему этногенеза поволжских татар и видел их болгарские корни, тем не менее он выступал за этноним «татар» как самоназвание народа.

В этом же направлении продолжали идеи Марджани другие крупные татарские просветители и реформаторы XIX в. Каюм Насыри, Хусаин Фаизханов, Ибрагим Хальфин, Захир Бигиев, а позднее Галимджан Ибрагимов.

Но и эти в целом справедливые идеи не стали в одночасье всенародно признанными. Татары в XIX — начале XX вв. большинстве своем татарами себя называть не желали. Об этом пишут некоторые русские историки и этнографы, которые интересовались этногенезом поволжских татар. Причем распространение получают в это время и наименование себя и мусульманами, и булгарами. (Примеры: Энциклопедический лексикон. — СПб., 1836, С.306, Золотницкий Н. И. Лингвистическая заметка о названиях болгар, би-

ляр и моркваши // ИОАИЭ. — 1878. — С.36, Остроумов Н. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии. — Казань, 1876, С.10, Шпилевский С. М. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. — 1884. — Т.3. — С.6). Интересно, что в XIX в. идеи происхождения татар проникают довольно активно и в сферу просвещения, ранее исключительно религиозного. Так, например, в одной из шакирдских тетрадей моего прадеда 1878 г. содержится любопытный вопросник по религиозно-исторической тематике. И здесь мы видим вопрос: кто мы, что мы за народ? И ответ: «мы не татары, татары — это варвары, завоеватели, мы же, слава Аллаху, мусульмане».

Таким образом, на протяжении XIX в. развитии национального самосознания поволжских татар мы видим два новых явления: проблемой начинают активно заниматься историки, в то же время она все глубже проникает в массы и начинает интересовать население. Это готовило почву для активных и масштабных дискуссий начала XX в. Кроме того, вторая половина XIX в. стала временем очередного наступления русского шовинизма и клерикализма, когда идеи русификации нерусского населения были возведены в ранг государственной политики. При этом реакционные русские круги старались использовать исторический опыт в своих целях. У русского населения воспитывалось недоверие и неприязнь к татарам, к татарскому «игу». И это не могло не вызвать закономерной реакции татарского населения. Именно поэтому многие из татар относились к этнониму «татары» резко отрицательно. Учтем также, что в социально-экономическом плане татарский народ в это время развивался весьма поступательно, особенно в сферах промышленности, торговли, что приводило к серьезным изменениям запросов и интересов в духовной сфере: народ все больше стал интересоваться своим прошлым.

Итак, в конце XIX — начале XX вв. в татарском обществе существовали разные подходы в идее национальной идентичности и к самоназванию народа.

Представителями болгарской идеи были так называемые «ваисовцы». Общество Багаутдина Ваисова выступало за чистоту веры, против подчине-

ния местной администрации и выполнения законов — гражданское неповиновение, за полное равноправие всех мусульман, а в данном случае для нас главное — они выступал против этнонима татары и за установление названия «булгары».

Основная масса мусульманского духовенства придерживалась идеи мусульманского единства и выступала за применение термина «мусульмане» в качестве этнонима.

В это же время активно начинают свою деятельность представители так называемой тюркской или общетюркской идеи, которые поддерживают этноним «тюрки» или, в крайнем случае, «тюрко-татары». Наиболее яркий пример тому — деятельность известного общественного деятеля Исмагила-бея Гаспринского, издавшего с 1883 г. газету «Тарджеман» на тюркском языке, который, по его мнению, должен был быть понятием всем тюркам от Крыма до Сибири.

После революции 1905–1907 гг. крупномасштабные дискуссии об этнониме выходят на страницы многочисленных татарских газет и журналов, причем основной спор идет не вокруг этнонимов «булгары» или «мусульмане», а спор идет вокруг этнонимов «татары» и «тюрки». Т. е. мы можем говорить, что идея национальной идентичности стала не просто уделом отдельных интеллектуалов, она заинтересовала тысячи и тысячи людей. Свидетельство тому, например, дискуссии на страницах авторитетных журналов «Шура» и «Анг» под титулами «Кто мы: тюрки или татары?» Интересно, что сторонниками этнонима «татар» выступили не только последователи Марджани и Насыри, но и те, кто видел в имени «татар» определенный противовес официальной антитатарской пропаганде и стремился возвеличить этноним, пользуясь мировой известностью Чингизхана и Батыя.

Тем не менее до событий 1917 г. так и не было выработано единой точки зрения. Пожалуй сторонников этнонима «татар» было побольше, но и в среде их противников были крупные фигуры дореволюционной татарской науки — скажем, крупный историк и издатель Ризаэтдин Фахретдинов резко выступал

против этнонима «татар», всячески подчеркивая преемственность современного тюркоязычного населения Поволжья и Приуралья с булгарами. Революция и гражданская война заслонила разгоревшиеся дискуссии и отвлекли татарских интеллектуалов, трагически завершив их спор. И мы можем сегодня констатировать: вплоть до 20-х годов общенационального единого мнения об этнониме «татар» не было, даже в материалах первой всесоюзной переписи населения 1926 г. отдельно выделены этнографические группы татар такие как мишари, тептяри, кряшены. И все же, на мой взгляд, к началу XX в. мы можем говорить о татарской нации как сформировавшемся целом. Интерес народа к своему этнониму в это время был очевиден, но поскольку этот этноним приживался очень болезненно, среди татарского населения так и не было сформулировано единое мнение на этот счет.